

Кён, спрятавшись на площадке, сосредоточился на полученной информации, а именно той, которая принадлежит самой основной стихии – энергии/чистой силе/внутренней энергии/духовной воле, называй как угодно, суть одна.

Понять, что тебе засунули в голову, вовсе не просто. Кён попытался выпускать из души энергию, старался хоть как-то управлять каналом, регулировать его толщину, длину, углы и всё подобное, прямо как в шахте.

Он предположил, что среднестатистический человек должен понять всё это на уровне интуиции, будто действительно получит просветление, но такой спонтанный метод ему совершенно не нравился. Он не привык уповать на случайное стечение обстоятельств или какой-то там загадочный талант, до которого ему нет дела.

Время шло. Внутри никто не появлялся, что радовало.

Кён всё ещё пытался сопоставить купу непонятого пучка нейронов со здравым смыслом. Совершенно никакой логики, хоть бери и на самом деле действуй по методу незабвенного «тыка»... Даже Синергия не особо способствовала скорейшему «усвоению информации». А ведь энергия основ считается самой простой, правда, обычному человеку тоже не так-то и просто получить «просветление»... Поднимет ли он основной и единственный разряд или нет – зависит от воли случая, удачи и таланта.

За безуспешными, но жизненно важными попытками освоить основу чистой силы, прошел весь день. Наступил вечер.

Видимо, небеса решили проявить милосердие – мелкая дрянь так и не навестила его, чтобы добить.

Желудок в который раз разразился рёвом мамонта. Кён, прижав руки к животу, прилипшему к позвоночнику, скривил лицо. Срочно нужна еда. Восстановление организма почти застыло, так нельзя. Пора «на охоту», что ли. Раз уж кормить его не собираются, придется добывать пропитание самостоятельно.

Парень прошелся по саду, все не решаясь войти в особняк, и вдруг заметил вдали Анну, отчитывающую какого-то слугу. Бледный мужчина кланялся, умоляя не наказывать его, клялся исправиться. В итоге добродушие девушки взяло своё, и она дала ему последний шанс. Слуга в слезах упал на колени, а блондинка, презрительно фыркнув, стремительным шагом направилась к дому.

Кён, собрав решимость в кулак, нагнал служанку. Нейтральным «извините» привлёк её внимание, и, когда девушка обернулась, подобострастно залебезил своим царским-шепелявым:

«Здравствуйте, госпожа Анна, я хотел Вас поблагодарить за то, что Вы не наказали меня в тот раз, когда поймали без разрешения в особняке. Ну, помните, я искал уборную...»

Девушка не могла оторвать взгляда, полного ужаса, от беззубого окровавленного рта, от наливающегося под глазом фонаря, от болезненной бледности в редких местах, свободных от синяков и кровоподтеков, но, нацепив на лицо ледяную маску, безэмоционально бросила в ответ:

«Ты не должен благодарить меня за это. Убирать за тобой в зоне было бы куда хуже, чем потерпеть минутку твое присутствие в доме, где тебе, между прочим, быть совершенно не положено... Кстати, что ты тут делаешь?»

В животе заурчало. Кён, понутив голову, тихо вздохнул:

«Простите... Обо мне совершенно все забыли... А может, и не вспоминали даже. Я сплю на полу, не ел уже больше двух дней, о медицинской помощи в принципе речи и нет... Разумеется, я не виню госпожу Юнону, видимо, так надо... Но... Простите.»

Сердце непривычно сжалось от жалости, хотя разум неизменно шептал: ты ничем не можешь ему помочь, ты не вправе изменить его судьбу.

Юноша, так и не дождавшись ответа, всхлипнул и уныло поплелся назад на площадку. Похоже, план провалился – еды не будет. Все крокодильи слёзы мгновенно исчезли, осталась унылая мрачность. Он будто прицеплен кандалами, находясь в клетке со зверем в облики Юноны.

Анну разрывали противоречивые чувства. Сострадание к кому-то столь низкого положения для нее неприемлемо, но... Бедняга и впрямь угодил в ад на земле. Что же делать?..

Так и не придя к единому решению, служанка, понутив плечи, тихо ушла.

За всем этим цирком незаметно наблюдала, скрестив руки и недовольно постукивая ножкой, темноволосая девушка. Парень не просто нарушает правила, он ещё и с её сестрой осмелился о чём-то говорить. А сестра её всегда была глупенькая, доверчивая и излишне добрая. Того глядишь нарушит правила.

Анна, игнорируя вопли рассудка, все же решила помочь несчастному рабу. Взяла у повара остатки макарон с подливой и понесла поднос в зону, воровато оглядываясь по сторонам – вдруг кто заметит? Чтобы она, высшая служанка, носила кому-то кроме господ еду?

Для её положения очень странно поддаться новому чувству, должно быть состраданию, и помогать тому, кто не достоин даже её взгляда... Но сердцу правила не писаны.

Тихонько скрипнули ворота, и Кён увидел, как, подобно ангелу, в его «обитель» всплыла Анна. Густые, слегка покачивающиеся на ветру светлые волосы, облегающий второй кожей наряд горничной, намертво приклеивающее к себе взгляд глубокое декольте... Все это внезапно поблекло, померкло, отошло на второй план – на фоне серебряного подноса в её руках,

определенно нагруженного чем-то съестным! Да здравствуют актерское мастерство и извечная и постоянная во всех мирах женская жалость ко всем несчастным и юродивым!

Нарочито заплаканное лицо парня озарилось невероятно счастливой улыбкой, от которой у Анны ёкнуло сердце. Руки мелко задрожали, девушка неверной походкой направилась к Кёну, когда... Темноволосая служанка Дина, легко перепрыгнув через стену, встала между блондинкой и рабом:

«Что ты делаешь, сестра?»

Анна растерянno попятилась:

«Дина, я... Принесла ему поесть...»

Взгляд тёмненькой заledenел:

«Этот раб нарушил правила, появившись в особняке и в парке без указа госпожи, за что его давно уже надо было прикончить. А теперь и ты решила наплевать на устав...»

«Я знаю, но...» - торопливо залезезила Анна, пытаясь подобрать слова в оправдание, но Дина и слушать не стала - выхватила у нее тарелку и опрокинула содержимое напрямик Кёну на макушку. «Никаких “но”. Мы должны следовать правилам неукоснительно, не позволяй своим чувствам влиять на решения.»

Кён шокировано застыл. От его жалобной мордашки у светловолосой служанки болезненно сжалось сердце. Она хотела ему помочь, но, похоже, сделала только хуже.

Дина метнула последний обжигающий холодом взгляд на сестру:

«В наказание приберись.» - и, презрительно фыркнув, ушла в особняк.

Анна проводила её взглядом, покачала головой, и, стараясь не встречаться с Кёном глазами, проямлила:

«Прости, мальчик... Я сама виновата...»

Впервые в жизни она извиняется перед кем-то ниже себя по рангу. Вся ситуация была похожа на театр абсурда - здравый смысл улетел в дальние дали, в душе царил непередаваемый раздрай.

Парень качнул головой:

«Не извиняйтесь, госпожа.» - смахнул с головы остатки подливки и макарон, взял из её рук поднос, опустился на колени и принялся собирать остатки еды с пола и, сдувая с них грязь, ел. Еда – жизнь. А жизнь важнее мелочной чести и гордости, да и что есть грязь? Штаммы микробов? Они и так повсюду, так что, это понятие слишком относительное.

Анна поджала губы. Слов не было. Она со смешанными чувствами безмолвно покинула площадку. Вот уже более пяти лет каждый её день однообразнее некуда. Контроль слуг, уборка личных покоев своих господ, да пара страниц книжки перед сном – день за днем, за ночью ночь, все одно и то же – и конца-края тому не видно. Этот парень оказался глотком свежего воздуха, хоть какой-то новизной в её жизни.

Тарелку с подносом забрал слуга, присланный Анной.

Тело болело и местами не слушалось, в глазах темнело от кровопотери, но какой-никакой ужин подарил Кёну надежду на восстановление жизненных сил. Однако, без освоения чистой силы у него нет и шанса выжить в здешних нечеловеческих условиях.

Кён отчаянно продолжал освоение чистой энергии. Она его единственная надежда. Марина ему так и не помогла... Анна тоже больше не станет рисковать своим местом. Он один, совершенно один, забытый и покинутый всеми на свете - помощи ждать неоткуда. Рассчитывать можно только на себя самого. Впервые его имперское достоинство подверглось столь интенсивному стрессу, и всё же сдаваться он не умел.

Остаток дня и последующая ночь прошли спокойно. Демоненок в облике ангела так и не пришла его добить, что было равносильно чуду. Ну, или наоборот – продлению агонии.

И вот наступило раннее утро. Кён, чувствуя себя немного окрепшим и восстановившим некоторую толику сил, приложил к уху звукопередатчик.

Удивительно, но Марина сказала, что будет в семь утра. Палки колбасы будут ужасно кстати! Вот он – его шанс!

Ровно через час Кён ещё раз набрал девушку и уточнил, через сколько минут её встретить. Выполз с площадки и, не обращая на взгляды слуг внимания, поковылял к особняку. Встретится с Диной – значит, так тому и быть, не судьба ему выжить. Впрочем, специально выходить перед её светлыми очами так же в намерения парня не входило – так что передвигался он хоть и с трудом, но осторожно.

Улучив удобный момент, он пробрался в особняк, смешавшись с тремя слугами. Подошел ко входу, где ему преградил путь охранник:

«Покажите формацию.»

Благо, из-за лохматых волос сходу понять, что он раб, было нельзя. К сожалению, на входе и выходе требуют формацию, для учета в журнале – просто так уйти тебе не позволят.

Кён прочистил горло, неопределенно ткнул рукой куда-то вперед и прошепелявил:

«Вон та девушка пришла передать мне кое-что от господина Флица. Будьте любезны.»

Оба стража переглянулись, обернулись и увидели приближающуюся красивую блондинку, груженную пятью палками смачной колбасы.

У Кёна при виде снеди в душе разлилось приятное тепло, он приветственно помахал девушке.

Марина с волнением подошла к охране, не отрывая взгляда от парня:

«Кён, привет, я всё принесла...»

Охранники, ошеломлено сглотнув, одновременно поклонились в пол и в унисон гаркнули:

«Госпожа Диана, здравствуйте!»

Один из них поспешил приложить своё запястье к губам:

«Госпожа Юнона, ваша матушка прибыла!»

Кён оторопело прочистил мизинцем ухо. Что-что они там сказали? {Матушка? Какая ещё к чёрту матушка?!} Парень даже решился заглянуть девушке за спину – мало ли, вдруг загадочная «мама» просто спряталась за спиной секретутки, но нет, дорога позади Марины пустовала.

Девушка же и вовсе застыла как вкопанная. Она чья-то мама?! Так из-за этого Флиц запрещал ей приближаться к особняку?! Да нет... Она же вроде как не рожала – уж такое знаменательное событие она бы заметила, да и Флиц не может дать потомство.

У Кёна, слышавшего быстрые и до боли знакомые шаги, сердце ушло в пятки, глаза наполнились ужасом. Надежда на то, что охрана просто решила «шуткануть», истаяла утренним туманом – они на самом деле вызвали сюда Юнону!

Однако, подоспевшей девчонке было вовсе не до раба – она цепким взглядом впиалась в Марину. Демоненок с веселым визгом повесилась той на шею. Палки колбасы дружно полетели на пол.

«Мама! Почему ты не предупредила, что приедешь?! И почему ты так помолодела? Это новая медицина красоты?! И... Ты как-то изменилась...» Юнона засомневалась. Форма бровей немного иная, слегка другой нос, уголки губ еле-еле отличимые.

Марина стояла столбом и не могла вымолвить ни слова, все происходящее казалось ей каким-то сумасшедшим сном.

Кён, пришедший в себя раньше остальных, понял, что больше терять времени нельзя и, пока ситуация не прояснилась – надо хватать колбасные изделия (две палки как раз подкатились аккуратно к его ногам) и бежать. Точнее, как бежать – скорее уж, торопливо ковылять к месту его «квартирования». Странную ситуацию можно будет обдумать и позже. Впрочем, общая картина уже успела смутно сложиться в его голове: Флиц строго-настрого не подпускал Марину к особняку, а, когда она все же его ослушалась – все вокруг приняли её за мать Юноны, даже сама малолетняя садистка. Вряд ли бы настоящая матушка девчонки стала бы секретуткой старикана, а значит, она просто похожа на означенную госпожу.

Кён уже почти дополз до ворот на площадку, как его грубо тормознули, схватив за плечо. Обернувшись, парень с горестным стоном узнал Дину.

{Блядь!}

«Что это у тебя в руках?» - подозрительно прищурилась девушка.

Кён молчал, судорожно пытаясь найти выход из ситуации. Сколько уже раз эта приставучая дрянь портила ему жизнь?

«Я повторять не буду. Откуда у тебя еда? Украл?»

«Это моё. Мне принесла её подруга.» - медленно и размеренно прошепелявил парень, вперив в нее упертый взгляд исподлобья.

Девушка с удивлением отметила, что на сей раз жалкий раб не стал прятать глаз – поведение пацаненка меняется чаще, чем погода в море. А отсутствие зубов её только обрадовало. Да слова раба о подруге не могут быть ничем иным, кроме лжи.

«А теперь моё.» - она спокойно отобрала его ценную провизию. За воровство ему полагается отрезать руки, чем Дина и планировала заняться в ближайшем будущем.

Кён не отрывал гневного взгляда от девушки:

«Вы не должны так поступать, эта колбаса моя! Мне её принесли! Она мне нужна!» - бывший император хватается за две палки колбасы, как за собственную жизнь... В такие моменты начинаешь понимать, что судьба может любого загнать в ситуацию, где даже одна палка

колбасы обретает ценность гор золота.

пум

Маленький кулачок Дины угодил ему прямо в солнечное сплетение, вышибая весь кислород из легких. В голове потемнело, тело предательски обмякло, парень, не удержавшись, рухнул на землю. Слабость, опять она...

«Жалкое отребье, ты вновь посмел проникнуть в особняк, украсть еду, а теперь ещё и говоришь со мной, как с равной себе?! Кажется, пришла пора укоротить тебе конечности.» - и девушка безотлагательно схватила Кёна за кисть. В руке её блеснул кинжал.

Парень запаниковал - вряд ли Дина соблаговолит следовать правилам ампутации, перспектива сдохнуть от потери крови развернулась во всей красе. Голова мгновенно выдала первое попавшееся на ум решение:

«Госпожа, я знаю, кто украл Ваше бельё!»

Руки Дины ослабели, выпуская из захвата конечность раба:

«Что ты сказал?»

<http://tl.rulate.ru/book/16292/364518>